

совещ. – М. – С. 272.

Шибанов Н.В., 1927. К фауне птиц и млекопитающих Орехово-Зуевского уезда Московской губернии // Мат-лы к изучению флоры и фауны Центрально-Промышленной области: Тез. докл. совещ. работников краеведческих музеев ЦПО. – М. – С. 23–24.

Современное распространение и статус мелких соколов в Белгородской области Current distribution and status of small falcon species in Belgorod Region

А.Ю. Соколов

Государственный природный заповедник «Белогорье»

E-mail: falcon209@mail.ru

Современная авифауна Белгородской области включает 4 вида мелких соколов: чеглока (*Falco subbuteo*), дербника (*F. columbarius*), кобчика (*F. vespertinus*) и обыкновенную пустельгу (*F. tinnunculus*) (Соколов, 2010а, 2012а; Соколов, Шаповалов, 2012). Достоверно гнездящимися в настоящее время являются только чеглок и пустельга, при этом все перечисленные представители, кроме дербника, включены в последнее издание региональной Красной книги.

Чеглок. С середины прошлого столетия большинством авторов для разных районов области указывался как малочисленный или редкий гнездящийся вид (Новиков и др., 1963; Елисеева, 1984; Булюк, 1993; Корольков, Миронов, 2000 и др.). До начала XXI в., очевидно, населяя преимущественно лесные массивы различного типа. В 1980-90-е гг. местами, в том числе в границах ООПТ самого высокого ранга, было отмечено существенное снижение гнездовой численности этого сокола. В качестве наиболее показательного примера может служить участок «Лес на Ворскле» заповедника «Белогорье» (до 1999 г. – самостоятельный заповедник), где чеглок полностью перестал гнездиться к началу 1990-х гг. (Булюк, 1993) и в дальнейшем так и не восстановил свой статус (Соколов, 2010б).

Причины такой негативной динамики не совсем ясны. На первый взгляд, ни гнездовые, ни охотничьи биотопы кардинальных изменений в обозримом прошлом не претерпевали; в целом, вполне удовлетворительной оставалась и кормовая база. Одним из вероятных отрицательных факторов мог стать активный рост численности тетерева (*Accipiter gentilis*), обозначившийся на юге Центрального Черноземья в середине 1980-х гг. и, как следствие, пресс хищничества со

стороны этого ястреба по отношению к ряду мелких видов соколообразных.

Между тем, с начала текущего десятилетия в Воронежской (Соколов, 2012б), а затем и в Белгородской областях начали регистрироваться случаи размножения чеглока в гнездах ворона (*Corvus corax*), построенных на ажурных металлических опорах высоковольтных ЛЭП в агроценозах (аналогичные факты имели место и в Украине (Волошин, 2009)). Таким образом, на юге Черноземья этот сокол стал осваивать для гнездования принципиально новый тип местообитаний, что, впрочем, пока не принесло заметных позитивных результатов в отношении его численности.

Современная численность чеглока в Белгородской области не превышает 15-25 пар; местами наиболее стабильного его обитания являются нагорные дубравы по правобережьям Оскола и Северского Донца, леса по поймам рек Тихая Сосна, Ворскла, Айдар (Соколов, 2019).

Дербник. Применительно к территории Белгородской области сведения о достоверных конкретных встречах этого сокола, равно как и о сроках и характере его пребывания в границах региона, крайне скудны (Вакуленко, Бёме, 2008; Соколов, 2012а, 2015). В большинстве публикаций, посвященных региональной фауне, таковые вообще отсутствуют (например: Новиков и др., 1963; Елисеева, 1984; Корольков, Миронов, 2000; Соколов, 2010а и др.), что, очевидно, во многом объясняется недостаточностью полевых исследований в соответствующие сезоны года.

Как и для всей южной части Черноземного Центра, для Белгородской области дербник является довольно редким зимующим (возможно, нерегулярно) и пролетным видом. Встретить его можно практически повсеместно, преимущественно в открытых (как в естественных – лесные опушки, пойменные луга, степные балки, так и трансформированных – сельскохозяйственные поля) биотопах; нередко этот сокол охотится и на территории населенных пунктов.

Наиболее ранние встречи приходятся на конец сентября, наиболее поздние известны в начале марта (Соколов, 2012а), хотя в соседней Воронежской области (охваченной более полномасштабными исследованиями) дербники неоднократно регистрировались вплоть до середины апреля (Соколов, 2015).

Кобчик. Согласно литературным данным, на протяжении всей второй половины XX в. в границах Белгородской области являлся либо весьма малочисленным, либо вообще редким гнездящимся видом (Новиков и др., 1963; Елисеева, 1984). Исключения не составляли даже

заповедные кластеры степного профиля, в частности участок «Ямская степь» (в настоящее время входящий в состав заповедника «Белогорье»), где на конец минувшего столетия его гнездовой статус уже находился под вопросом (Корольков, Миронов, 2000). Немногим более оптимистичная ситуация с гнездовой численностью кобчика в 1980-е и в начале 1990-х гг. сохранялась в соседних Курской, Воронежской и Харьковской областях (Корольков, Миронов, 2002; Венгеров и др., 2008; Ветров, 2013), где вскоре количество гнездящихся птиц также сократилось до критического уровня.

Очевидно, основными причинами низкой численности, а впоследствии и полного выпадения из гнездовой фауны области этого представителя отряда, явились высокая степень антропогенной трансформации открытых биотопов, дефицит гнездовых условий (в свою очередь определяющийся повсеместно низкой численностью врановых). Вероятно, весьма негативно сказалась и химизация сельскохозяйственного производства, способствующая, с одной стороны, подрыву кормовой базы, а с другой – учащению случаев вторичной интоксикации птиц.

С начала текущего столетия достоверные случаи гнездования кобчика в Белгородской области неизвестны (Соколов, 2010, 2019; Соколов, Шаповалов, 2012). Между тем, на весеннем и осеннем пролете этот сокол встречается в границах региона сравнительно регулярно и практически повсеместно (в потенциально подходящих биотопах, в том числе трансформированных). Весенние встречи регистрируются с конца апреля, наиболее часто – в первой декаде мая. Как исключение, известна единичная регистрация в конце мая 2015 г., относящаяся к явно не размножающейся птице (Соколов, 2015).

Осенние миграции (значительно более растянутые по времени) в пределах области в отдельные годы прослеживаются уже с начала августа. Как правило, в этот период кобчики встречаются в большем количестве и нередко образуют совместно с пустельгой локальные скопления, насчитывающие до 10-15 особей. В частности, последние, опять же, характерны для заповедной Ямской степи и ее ближайших окрестностей. Наиболее поздние встречи кобчика в Белгородской области отмечены во II декаде сентября.

Обыкновенная пустельга. Как и в остальных регионах Центрального Черноземья, в Белгородской области этот сокол еще в конце прошлого века являлся довольно обычным гнездящимся видом и при этом – самым массовым представителем семейства в региональной фауне (Новиков и др., 1963; Елисеева, 1984; Корольков, Миронов, 2000). Однако уже в начале нынешнего столетия его распространение

стало крайне фрагментированным, а гнездовая численность снизилась в несколько раз.

Изначально спектр гнездовых биотопов пустельги был довольно разнообразным. Например, помимо наиболее типичных для гнездования степных и полевых ландшафтов с наличием древесной растительности, в 1950-60-е гг. она в массе населяла старовозрастную дубраву «Лес на Ворскле», где гнездилась в дуплах и полудуплах 200-250-летних дубов (Новиков и др., 1963). Но в условиях этого лесного массива депрессия численности начала проявляться уже в 1970-е гг. (Овчинникова, 1979), что, очевидно, не в последнюю очередь было вызвано начавшимся активным зарастанием разреженных высокоствольных участков леса (Булюк, 1993). В итоге в дубраве на рубеже минувшего и нынешнего веков пустельга окончательно выпала из гнездовой фауны (Соколов, 2010б).

В открытых местообитаниях в качестве одной из основных причин, способствовавших неуклонному снижению численности (вплоть до полного исчезновения в ряде районов), по-видимому, как и в случае с кобчиком, следует считать критичное оскудение кормовой базы, вызванное высокой степенью антропогенной трансформации лугово-степных ценозов. Так же, как и для предыдущего вида, весьма актуален для пустельги дефицит потенциального «гнездового фонда» – свободных построек врановых птиц. Однако данный фактор, согласно имеющимся на сегодняшний день отрицательным результатам работ по привлечению пустельги в искусственные гнездовья в соседней Воронежской области (Соколов, 2020), является как минимум второстепенным. Кроме того, нельзя исключать и негативного влияния возросшего уровня химизации сельскохозяйственного производства.

В настоящее время в большинстве районов Белгородской области гнездование пустельги, с учетом произошедшего общего снижения ее численности, носит нерегулярный характер, что объясняется в том числе нестабильностью кормовой базы, основу которой составляют мелкие мышевидные грызуны. Между тем, единичные регистрации явно территориальных птиц в репродуктивный период время от времени случаются на большей части региона. Единственным известным в последние несколько лет местом, где сохраняется более-менее устойчивая гнездовая группировка (до 7-8 пар), является территория юго-восточнее г. Губкин (включая кластер «Ямская степь» заповедника «Белогорье») общей площадью около 15 тыс. га. Гнездовыми постройками на данном участке сокола обеспечивают грачи (*Corvus frugilegus*), формирующие несколько сравнительно диффузных поселений, а также ворон.

Общая численность пустельги в регионе может составлять до 15 (при самых оптимистичных прогнозах – до 20) гнездящихся пар (Соколов, 2019). Во время сезонных миграций встречается достаточно регулярно; на осеннем пролете нередко образует временные локальные скопления до 10-15 (изредка более) особей.

Литература

- Булук В.Н., 1993. Изменения в населении гнездящихся птиц в высокоствольной дубраве заповедника «Лес на Ворскле» за последние 50 лет // Вестн. С-Пб ун-та. Вып. 4 (№ 24). – С.-Пб. – С.10-16.
- Волошин В.А., 2009. О гнездовании чеглока в гнездах ворона на опорах ЛЭП // Беркут. Т. 18, вып. 1-2. – С. 53.
- Елисеева В.И., 1984. Состав и структура орнитофауны Центрально-Черноземного заповедника // Эколого-фаунистич. исследования Центр. лесостепи европ. части СССР: Сб. науч. тр. ЦНИЛ Главохоты РСФСР. – М. – С. 104-130.
- Корольков А.К., Миронов В.И., 2000. Авифауна участков Центрально-Черноземного заповедника в Белгородской области // Птицы бассейна Северского Донца, вып. 6-7. – Донецк. – С.10-15.
- Корольков А.К., Миронов В.И., 2002. Кобчик // Красная книга Курской области. Редкие и исчезающие виды животных. Т. 1. – Тула. – С. 76.
- Новиков Г.А., Мальчевский А.С., Овчинникова Н.П., Иванова Н.С., 1963. Птицы «Леса на Ворскле» и его окрестностей // Вопросы экологии и биоценологии, вып. 8. – Л. – С. 9-118.
- Овчинникова Н.П., 1979. Динамика орнитофауны "Леса на Ворскле" за последнее тридцатилетие. Сообщение 2. Результаты количественных учетов в высокоствольнике // Вестник ЛГУ. Серия Биология, № 3. – С. 30-36.
- Соколов А.Ю., 2010а. Авифауна особо охраняемых территорий Белгородской области // Стрепет. Т. 8, вып. 1.- С. 36-59.
- Соколов А.Ю., 2010б. Изменения орнитофауны участка «Лес на Ворскле» заповедника «Белогорье» в конце XX - начале XXI века // Бутурлинский сборник: Мат-лы III Всероссийских Бутурлинских чтений. – Ульяновск: «Корпорация технологий продвижения». – С. 270-275.
- Соколов А.Ю., 2012а. О встречах дербника на юге Центрального Черноземья // Мониторинг редких и уязвимых видов птиц на территории Центрального Черноземья. – Воронеж: «Научная книга». – С. 230-233.
- Соколов А.Ю., 2012б. Вековые изменения и современная структура авифауны южной лесостепи Русской равнины (на примере Бобровского Прибитюжья).- Автореф. дисс. ... канд. биол. наук. – Воронеж. – 18 с.
- Соколов А.Ю., 2015. О встречах регионально редких видов птиц на юге Центрального Черноземья в 2000-2015 гг. // Русский орнитол. журнал. Т. 24, № 1226. – С. 4473-4490.
- Соколов А.Ю., 2019. Чеглок. Кобчик. Обыкновенная пустельга // Красная книга Белгородской области. Редкие и исчезающие растения, лишайники, грибы и животные. 2-е изд. – Белгород. – С. 568-570.
- Соколов А.Ю., 2020. Попытки привлечения дневных хищных птиц на гнездо-

вание в Воронежской области: первоначальные перспективы и текущие результаты // Хищные птицы в антропогенных, природных и квазиприродных ландшафтах: современные вызовы и тренды: Мат-лы VIII Международн. конф. РГХП. – Воронеж. – В печати.

Соколов А.Ю., Шаповалов А.С., 2012. Современная гнездовая фауна соколообразных заповедника «Белогорье» (Белгородская область) // Хищные птицы в динамической среде третьего тысячелетия: состояние и перспективы. Труды VI Международн. конф. по соколообразным и совам Северной Евразии. – Кривой Рог. – С. 238-243.

Сокола некоторых районов Липецкой области: численность, распределение и популяционные тренды

**Falcons of some Lipetsk areas: number, distribution
and population trends**

Д.А. Соловков¹, О.А. Калашникова²

¹*Московский педагогический государственный университет,*

²*Государственный биологический музей им. К. А. Тимирязева*

E-mail: solovkov@mail.ru; herla2@yandex.ru

Работы по изучению хищных птиц из рода *Falco* являлись составной частью наших исследований, посвященных изучению населения хищных птиц долин р. Воронеж и Дон и его притоков в Липецкой области. Они велись в 2008-2009 гг. и 2013-2018 гг. Общая обследованная площадь составляет 150 км² в 2008-2009 и 180 км² – в 2013-2018 гг.

На территории стационара были выделены 4 модельных участка: урочище Морозова гора (заповедник «Галичья гора», центральная усадьба) и прилегающие территории, урочище Троицкий лес, Задонская лука (окрестности г. Задонск) и урочище Плющань. Распределение участков по территории Липецкой области показано на карте (рис. 1).

В пределах участка №2 отдельно выделена высоковольтная ЛЭП Липецк-Елец (обследованная длина составляет около 13 км в 2008-2009 гг. и 30 км в 2013-2018 гг.), что неслучайно, т.к. именно на опорах ЛЭП находятся практически все гнезда обыкновенной пустельги и чеглока.

В целом на обследованной территории площади лесов невелики, а большая часть ландшафта представляет собой луговые и полевые сообщества. Сельскохозяйственные земли занимают наибольшую площадь в структуре ландшафтных комплексов области. Практически все исследуемые участки с 2013 г. подвергаются сильному антропо-